

Е. П. Блаватская

Из серии "Nightmare Tales" (Кошмарные рассказы)

Пещера Эхо

Странная, но правдивая история

Эта история записана по рассказу её непосредственного свидетеля, русского дворянина, очень набожного и совершенно надёжного человека. Более того, некоторые факты, упоминающиеся в ней, были выписаны из документов полиции городка П. Свидетель происшествия приписывает всё, что он видел, отчасти божественному вмешательству, отчасти козням дьявола. Комиссия из Петербурга расследовала все факты, связанные с происшествием, и приказала хранить молчание.

Посвящается Н. А. Фадеевой

В одной из северных губерний — "не столь отдалённых" — Российской Империи, недалеко от небольшого заводского городка — пожалуй что и в Сибири — случилась лет тридцать — а может и все пятьдесят — тому назад, такая трагедия, какой не приснилось бы и древним классикам. Эдгар По создал бы из её сюжета одну из своих бессмертных сказок. Я же оставляю его просто тем, что он и есть, — былью. Вследствие этого в ней не найдётся ничего фиктивного, кроме имён. В Петербурге живы до сей поры родственники "Изверцовых"; следовательно, замена их фамилий другими имеет своё логическое *raison d'être*.

Теперь приступим к рассказу.

I

Верстах в шести или семи от города П., знаменитого дикой прелестью и величием его лесистых гор, богатством рудников, как и миллионерами заводчиками, стоял, как сказано, с полвека тому назад аристократический красивый дом. Его обитатели состояли из самого владельца, богатого пожилого холостяка, и его брата — вдовца и родителя двух сыновей и трёх дочерей. Всем было известно, что хозяин и владелец Озерков, или, как его звали, старик Изверцов, усыновил детей младшего брата, а старшего из них, своего любимца Николая, давно уже сделал законным и единственным наследником своего благоприобретённого и весьма значительного состояния.

Года мирно проходили в красивом загородном доме. Дядя старел, а племянник достигал совершеннолетия. Дни шли чередой в тихом однообразии, и солнце светило на дружную большую семью с высоты безоблачного неба, когда вдруг на небосклоне показалось в виде светлого пятнышка небольшое облачко. В один злосчастный день одной из племянниц старика Изверцова вздумалось учиться играть на цитре. Так как цитра — инструмент чисто тевтонского происхождения и учителей на ней ни в окрестностях, ни в городе П. не оказалось, то, желая побаловать племянницу, снисходительный дядюшка послал за обоими в Петербург. После долгих поисков даже в самой столице нашёлся только один учитель на цитре, готовый переехать в такое близкое соседство с Сибирью. То был старый саксонский профессор, артист, разделявший всю свою нежность, которой его одарила природа, между своим инструментом и хорошенькой блондинкой дочерью, не пожелавший расставаться ни с тем, ни с другою. Таким образом случилось, что в одно прекрасное зимнее утро старый профессор, с цитрой в футляре под одной рукою, и с

хорошенькой Минхен под другою, явился у ворот Озерков и был принят с распростёртыми объятиями всем семейством Изверцовых.

II

С этого рокового дня светлое облачко стало быстро темнеть и увеличиваться, ибо — как говорили наши предки — каждый звук мелодичного инструмента будил ответное эхо в сердце старого холостяка. Музыка, говорят, располагает к любви; и вот, работа, начатая цитрой, была доведена до конца голубыми глазками Минхен. По окончании первого полугодия племянница сделалась артисткой на цитре, а дядя оказался до безумия влюблённым.

В одно весеннее утро, собрав усыновлённое им семейство брата вокруг себя, он обнял и расцеловал каждого из членов его поочерёдно с большою чувствительностью и слезами радости на глазах; обещал не забывать их в своём завещании и закончил всё объявлением своего неизменного решения жениться на голубоокой Минхен. После этого, в виде финального tableau телосложения. И тем не менее с ним случались весьма не, он упал каждому из них на шею и, пролив в немом восторге ещё несколько добавочных слёз, выпроводил их всех из своей комнаты и запер дверь. Родная семья, поняв, что наследство у неё ускользнёт из-под носу, также проливали слёзы, но, должно полагать, от другой причины.

Впрочем, поплакав, все более или менее утешились и даже старались искренно возрадоваться, потому что старика Изверцова не только родные, но и все чужие от души любили и уважали. Только не все возрадовались. Николай, сам влюблённый по уши в хорошенькую немку, утратив таким образом в один день и предмет сердца, и всё состояние дяди, не только не возрадовался, но даже не пожелал утешиться. Он исчез из дому и не возвращался до следующего утра.

Между тем Изверцов распорядился, чтобы на другое утро ему был приготовлен семейный дорожный дормез. В людской и в девичьей шептали, будто старый барин отправлялся в далёкий губернский город с целью изменить духовное завещание. Главная часть богатства Изверцова находилась в процентных бумагах, которым никто не знал счёта, так как старик всегда сам занимался своими делами и счётными книгами. В тот же вечер домашние слышали, как он после ужина распекал в кабинете своего камердинера, служившего ему более тридцати лет. Человек этот, по имени Иван, чрезвычайно привязанный к своему барину, вырос в семье и был крестником отца Изверцова.

Несколько дней спустя, когда первое действие рассказываемой мною трагедии, свершившись, наполнило дом жандармами и полицейскими чиновниками, следствие открыло, что в ту ночь Иван был пьян; что старый Изверцов, не терпевший этого порока, отеческим образом вздул его за это нагайкой и вытолкал вон и что Ивана видели в коридоре посылающим по направлению двери барского кабинета угрозы словом и даже кулаком.

III

На обширных землях дачи Изверцова, Озерки, находилась замечательная пещера, обращающая внимание всех, кто её посещал. Она существует и, до сего дня, и, вероятно, жители П., прочитав о ней, узнают её. Густой сосновый лес, начинавшийся почти у садовой калитки, расстилался, уходя в гору крутыми террасами до самого подножия длинного ряда скал с пещерами, венчающих острым гребнем вершину холма; а затем

покрывал последний почти непроходимой лесной чащей, с невылазными в ней вдобавок болотами. Так как этот путь представлял большие неудобства, то желавшие посетить интересную пещеру отправлялись на верх горы иным путём. Почти на середине склона холма, на стороне, обращённой к задней части дачи, находился просторный грот, ведущий целым рядом подземных пещер на верх горы. Вход в него был в полуверсте, а по прямой линии — не более полсотни саженей от дома; так что с балкона легко было узнать всякого подходящего к гроту посетителя, тем более что лес был нарочно для этого вырублен кругом входа, а местность прочищена. В самой глубине довольно просторного и ещё светлого грота находится небольшой коридор, за которым открывается огромная высокая пещера, озаряемая слабым светом, проникающим через расщелины свода на высоте более 50 футов. Пещера так велика, что легко помещает в себе от 2 до 3 тысяч посетителей; часть её, вымощенная гранитными плитами и легко превращаемая в танцевальную залу, служила часто приманкой городским жителям для пикников и праздников. Неправильной овальной формы глубина пещеры, постепенно суживаясь, оканчивалась, как и первый грот, коридором. Коридор этот имел не несколько шагов длины, а уходил на огромное пространство в гору, прерываемый другими пещерами, столь же обширными, только менее проходимыми, нежели "танцевальная зала". Все, кроме первой, наполнены водою, и их можно было переезжать только на лодке. Эти природные бассейны пользовались репутацией бездонных колодцев и назывались обыкновенно Озерками — откуда и название самой дачи, а также и пещер. Но первая за гротом носила двойное и в обоих случаях подходящее к ней и весьма характерное название: в семействе Изверцовых её звали Пещерой Эхо, а в простонародье — Чёртовой Глоткой.

В ней тоже был бездонный колодезь, или озерцо. Но он находился в самой глубине её, тщательно окружённый каменным парапетом, на котором были устроены удобные высеченные из гранита сидения, и на безопасном расстоянии от вымощенного пола, а поэтому и от пляшущих, когда таковые являлись. С обеих сторон суживающегося овала в стенах были также устроены — иногда ярусами — сидения, из которых можно было смотреть как из лож на танцующих и прислушиваться к странному явлению, происходящему иногда в пещере.

В ней раздавалось эхо самого феноменального характера, пробуждаемое малейшими звуками, особенно со стороны бассейна, напротив коридоров. Произнесённого шёпотом слова, лёгкого вздоха было достаточно, чтобы на него сперва разом, а затем и один за другим откликнулось несчётное число насмешливых голосов, которые, вместо того чтобы постепенно делаться слабее и замирать вдали по обычаю всякого благонамеренного эхо, — с каждым новым повторением слова или звука становились всё громче и ужаснее, пока, достигнув своего *crescendo*, и, словно выпалив из пистолета, они удалялись, замирая в самой глубине коридоров, и, наконец, обрывались долгим, жалобным, неземным стоном...

В вечер того дня, когда старик Изверцов объявил о своём решении вступить в брак, за ужином он сообщил домашним о своём намерении дать в пещере в день своей свадьбы большой бал, и тут же назначил для этого один из ближайших дней. На следующее утро, готовясь к отъезду, многие видели, как, направляясь по дороге к гроту, он вошёл в него вместе с Иваном. Полчаса спустя слуга вернулся домой за табакеркою, забытой баринем в кабинете, и бегом побежал снова к пещере. А час спустя весь дом был поднят на ноги его дикими воплями. Бледный, дрожа как осиновый лист, и с водою, льющей с него целыми ручьями, Иван вбежал в гостиную, как безумный, и объявил господам, что его барина, оставленного им в первой пещере сидящим у парапета, не было нигде — ни в гроте, ни в коридорах. Страшась, не упал ли барин в воду, Иван, не снимая платья, нырнул в первый бассейн и чуть не утонул в нём сам...

День прошёл в тщетных розысках Изверцова, живого либо мёртвого. Но ни сам он, ни его тело нигде не нашлось. Полиция наполнила весь дом, всё опечатали, и многие были заарестованы по подозрению. Громче других, в своём неутешном отчаянии, рыдал Николай, вернувшийся только к вечеру, когда ему и сообщили страшное известие.

Недобрая тень легла на Ивана — тень сильного подозрения. Накануне он был поколочен барином за пьянство и, видимо, остался недоволен наказанием, даже бормотал угрозы. Он один сопровождал его в пещеры, и при обыске нашли под изголовьем его постели в занимаемом им чулане кованую наполненную семейными драгоценностями шкатулку, которую старик Изверцов всегда хранил у себя в комнате, в шкафу под образами, под ключом, никогда не покидавшим его. Напрасно божился Иван, призывая Бога и всех святых свидетелями, что эту шкатулку он получил утром от самого барина, за несколько минут до того, как последнему вздумалось перед отъездом взглянуть на "бальную залу". Что эта шкатулка была сдана ему с рук на руки, чтобы её уложить в дормез. Барин собирался, как он смекнул, переделать в городе брильянты заново для подарка невесте, и что он, Иван, с радостью отдал бы свою жизнь за жизнь любимого барина, когда бы только он знал, как это сделать. Но Ивана никто не слушал, и бедный слуга, заподозренный в убийстве, был посажен по распоряжению полиции в острог. В те далёкие времена неосознавшего преступника нельзя было приговаривать к наказанию, и не было по одному подозрению ни "лишений всех прав" ни ссылки, а тем более каторги.

Так бедный Иван и остался в остроге до добровольного сознания.

Когда прошла целая неделя в тщетных поисках, то осиротевшее семейство облачилось в глубокий траур, отслужило торжественную панихиду и приступило к приготовлениям вскрытия духовной. Как все того и ожидали, духовное завещание осталось без всякой приписки, и всё состояние покойного, движимое и недвижимое, перешло к его наследнику, Николаю.

Старик профессор с хорошенькой дочерью, испытавшие столь внезапный поворот фортуны от блистательных надежд к полному разочарованию, с чисто саксонской флегмою приготовились к возвратному пути в столицу. Унося цитру под правой и уводя Минхен под левую руку, старик собирался уже садиться в тарантас, когда Николай, победив сильное овладевающее им после смерти дяди волнение при каждой встрече с немочкой, вдруг решил и предложил профессору себя вместо покойного дяди. Перемена декораций, по-видимому, понравилась Минхен и не нашла затруднений со стороны старого артиста. Тихо и скромно, далеко до окончания траура, молодые люди были обвенчаны, и всё пошло по-прежнему в старом доме.

IV

Прошло десять лет. Мы застаём счастливое семейство в полном комплекте в Озерках и даже с прибавлением одного нового члена. Хорошенькая Минхен потолстела и обрюзгла со дня исчезновения дяди; Николай сделался угрюмым домоседом, изменив постепенно все свои вкусы и привычки. Многие удивлялись в нём такой перемене, потому что никто не видел его теперь весёлым, не подмечал даже простой улыбки на его лице. Казалось, будто все стремления его жизни, все надежды и желания сосредоточились на одном: на пожирающем его желании отыскать убийцу дяди, другими словами, заставить Ивана сознаться в преступлении, но сибиряк не поддавался, а божился, как и в первый день, что он невинен.

Единственный сын родился у юной четы в первый год брака.

Но ребёнок был настолько слаб и мал, что казалось едва дышит, поэтому в соответствии с русской традицией в подобных случаях в тот же вечер позвали священника, чтобы немедленно крестить его, дабы в случае смерти он не попал в место, подготовленное христианскими теологами для некрещённых младенцев. На церемонию в большом приёмном зале собрались семья и слуги и священник уже собирался трижды окунуть младенца в воду, но все увидели как он резко замер, побледнел как смерть и уставился в пустоту. Руки у него так сильно дрожали, что он чуть не уронил ребёнка в купель. Одновременно, нянька, стоявшая на краю первого ряда присутствующих, дико взвизгнула, и, показав рукой в направлении библиотеки старого Изверцова, в ужасе бросилась вон из залы. Никто не мог понять, почему паника обуяла этих двух людей, потому что кроме них никто не видел ничего необычного. Кто-то сказал, что дверь библиотеки медленно открылась, но она могла быть открыта ветром, который гулял по всему старому особняку. После крещения священник, слова которого подтвердила рыдающая служанка, торжественно поклялся, что видел какое-то мгновение, призрак покойного хозяина на пороге в библиотеку, он быстро проскользнул к купели и также быстро исчез. Оба свидетеля отметили, что лицо призрака было угрожающим. Перекрестившись и пробормотав молитвы, священник сказал, что семья должна служить обедню в течении семи недель для упокоя "мятущейся души".

И странный то был ребёнок: "совсем чудной!" — говорили няньки. Крошечный, слабенький, вечно больной, его младенческая жизнь, казалось, всегда висела на тончайшей нитке. Но всё это было бы ещё ничего, когда бы не прибавилось к этому самого удивительного сходства ребёнка с двоюродным дедом. Когда лицо мальчика оставалось спокойным, то это сходство становилось до того поразительным, что все в семействе, глядя на него, в каком-то суеверном ужасе отшатывались зачастую от невинного крошки, как от ядовитой змеи. С годами сделалось ещё хуже. То было бледное, сморщенное лицо шестидесятилетнего старика на плечах девятилетнего дитяти. Он никогда не играл, никогда не смеялся, а посаженный на своё высокое детское креслице, он важно и не двигаясь сидел в нём по целым часам, сложив руки особенным, привычным одному покойному Изверцову образом, и так и оставался в нём, неподвижный, молчаливый и дремлющий... Часто по ночам нянька, взглянув на него, поспешно крестилась и украдкой окропляла его святой водою; и ни за что ни одна из них ещё не соглашалась спать с ним в детской одна, а требовала двух или трёх горничных себе в подмогу...

Поведение с ним его отца казалось ещё страннее. Он любил сына страстно, ревниво, безумно, и в одно и то же время, казалось, смертельно его ненавидел. Он редко ласкал или брал ребёнка на руки; а сидя напротив сгорбившейся, старообразной и болезненной детской фигурки, он бывало просиживал долгие часы, не спуская с него широко раскрытых, полных немомо ужаса глаз, ни разу не отвернув от него своего бледного, будто с застывшим неразгаданным вопросом на нём, лица... Со дня своего рождения мальчик никогда не выезжал из Озерков, и кроме семейства Николая Изверцова почти никто из посторонних, знавших старика дядю, не видал ещё ребёнка.

Минхен, не замечая ничего необычного в своём сыне, любила его по-своему, разделяя всё дарованное ей природою чувство между сыном и сладкими печеньями, на которые она была большой мастерицею. Со дня рождения сына Николай охладевал к ней с каждым днём, пока, видимо, не стал тяготиться её пухленькой особою и даже избегать её, где только мог. Но голубоокая Минхен ничего этого не замечала, и розы на её пышных щеках рдели по-прежнему, даже более прежнего: розы превратились в пионы, и она казалась ещё спокойнее и довольнее прежнего.

В продолжение шести и более лет Изверцовы почти никого не принимали. В первые два года женитьбы брата две из его трёх сестёр вышли замуж, а брат уехал служить в свой полк в дальнюю губернию. Оставались два старика — брат покойного да артист на цитре и меньшая сестра Изверцова, не ладившая с Минхен и проводившая почти всё своё время в городе П., у замужней сестры.

К тому времени приехал в те страны некий обративший на себя внимание всей губернии иностранец. То был богатый, как говорили, венгерец, знаменитый путешественник и эксплуататор неведомых стран во всех частях света и прошедший перед тем несколько лет в Средней Азии и на севере Сибири. Объездив всю губернию, он заехал наконец "на несколько дней", как говорили, в П. и очень неожиданно там поселился. Ему сопутствовал отталкивающего, мрачного вида шаман, над которым, как рассказывали, граф экспериментировал и делал магнетические опыты. Он давал большие обеды и балы, имел открытый, весёлый дом и где бы ни был, дома ли у себя, или в гостях, он всюду брал с собою и выставлял на показ своего шамана, которым он, видимо, очень гордился и крепко берёг. Весь город был от него без ума, а между прочими дамами — и сёстры Николая Изверцова.

В один тёплый, летний день, жители города П. или, правильнее, его аристократия под предводительством двух упомянутых дам сделали неожиданный набег на Озерки и к великому смущению Николая потребовали от него дозволения воспользоваться его "бальной залой" в пещере для пикника, который граф намеревался окончить весёлым балом. В присутствии сестёр и стольких хороших давно не виданных им друзей и знакомых Николай нашёл невозможным отказать гостям в их просьбе. Все заметили, как он страшно побледнел при упоминании Пещеры Эхо, и как задрожали его крепко сжатые губы. Но знавшие печальную участь, постигшую старика Изверцова в Чёртовой Глотке, очень деликатно воздержались от всякого замечания и только искренно пожалели о молодом человеке, так долго горюющем о любимом дяде.

Николай дал согласие и предоставил пещеру в полное распоряжение венгерского путешественника. Ещё труднее оказалось уговорить его присутствовать на весёлом празднике. Но граф успел и в этом. Казалось, будто с первой минуты таинственный мадьяр приобрёл власть над Изверцовым. Глаза последнего не отрывались от высокой, статной фигуры магнетизёра; и в первый раз за последние десять лет домашние увидели на постоянно суровом лице Николая нечто вроде улыбки при разговоре с иностранцем.

V

В назначенный день пещера, с её бездонным озером, высеченными в стенах ложами и платформой для танцев, горела, залитая бесчисленными огнями. Сотни восковых свеч и факелов, разноцветных фонарей и ламп освещали мохом поросшие тёмные уголки, годами не выдавшие не только дневного, но и искусственного света. Глубокие тени прогонялись из всех расщелин, а с ними улетали и стаи испуганных светом сов и летучих мышей. Сталактиты сияли на стенах тысячами радужных огней; а спящее эхо, внезапно разбуженное весёлым смехом и разговорами, тщетно дрожало и выло, хохотало и стонало — его никто не пугался в такой шумной толпе и скоро перестали даже обращать на него внимание.

Шаман, которого венгерец никогда ни на минуту не выпускал из виду, сидел в состоянии обычного транса, недалеко от своего друга и патрона. Сидя на корточках, в нише скалы, находящейся на полдороге между главным входом и бассейном, с его жёлто-лимонного цвета сморщенным лицом, узкими глазками, плоским носом и реденькой бородкой, шаман

походил скорее на уродливого идола, нежели на человеческое существо. Около него толпились многие — мужчины и дамы, прося неустанно "погадать". Венгерец никогда не отказывал; просил тотчас же предложить шаману вопрос, мысленный или какой угодно, и всякий получал — по всеобщему уверению — "безошибочный" ответ.

Вдруг молодая дама, жена одного из крупных сановников, обратила внимание присутствующих, что старик Изверцов, пропавший так таинственно десять лет тому назад, исчез именно в этой самой пещере. Венгерец, видимо заинтересованный загадочным происшествием, пожелал узнать б'ольшие подробности. В толпе разыскали Николая и привели к амфитриону праздника. Он был владельцем пещеры и Озерков, племянником погибшей жертвы, и нашёл невозможным отказать стольким гостям в их просьбе. Он повторил все подробности ужасного события дрожащим голосом с мертвенно-бледным лицом и не мог при конце рассказа удержать судорожного рыдания. Оно ему сжало горло, и несколько тяжёлых жгучих слез скатилось из его лихорадочно блестящих глаз. Все были сильно тронуты. Дамы вытирали глаза батистовыми платочками, мужчины кашляли, чтобы скрыть волнение; и не было конца симпатичным замечаниям, искренним похвалам поведению любящего, благодарного племянника, так свято чтущего память дяди и благодетеля.

Вдруг среди скромно изъясляемой Николаем признательности за доброе мнение о нём голос его внезапно оборвался, глаза чуть не выскочили из широко раскрытых век, и с худоподавленным стоном он внезапно подался всем корпусом назад... Глаза целой толпы устремились с любопытством и беспокойством по направлению его безумно испуганного взора и не могли открыть ничего, что бы могло его так поразить. Ничего... Кроме маленького старообразного худенького личика, пугливо выглядывавшего из-за спины венгерца.

— Откуда ты мог явиться!.. Кто пустил тебя сюда?... Кто смел без моего позволения?... — бормотал Николай, с лицом бледнее смерти.

— Я уже лежал в постели, папа; он пришёл ко мне, взял и... принёс сюда на руках, — просто отвечал мальчик, показывая на шамана, возле которого он стоял на скале, тот же сидел с закрытыми глазами, мирно покачиваясь со стороны на сторону, словно часовой маятник.

— Это очень странно, — заметил один из гостей. — Когда же это шаман его мог принести, когда он весь вечер не сходил со своего места!

— Мать Пресвятая Богородица!.. — воскликнула, осеня себя крестным знаменем, одна из городских старожилок, старая знакомая Изверцовых. — Да это вылитый покойник!.. Взгляните вы на это сходство, Иван Михайлович!..

И она нервно дёргала за рукав фрака другого старого приятеля Изверцова.

— Ты лжёшь, скверный мальчишка! — свирепо закричал отец. — Пошёл сейчас домой спать, здесь тебе не место, слабому и больному, — добавил он, внезапно понижая голос.

— Не сердитесь, дорогой хозяин! — ласково вмешался венгерец, с загадочным выражением на смуглом лице и крепко обнимая ребёнка рукою. — Не браните этого крошку; он не виноват и говорит одну правду. Малютка видел двойника моего шамана, всегда без своего футляра разгуливающего на свободе, и принял весьма натурально

призрак за самого человека. Оставьте его немного с нами. Я ручаюсь, что это не повредит его здоровью...

Услышав такое странное объяснение, гости испуганно переглянулись, а некоторые так даже тихонько перекрестились, сплюнув предварительно в сторону на такое наваждение дьявола.

— Кстати, — продолжал венгерец решительным тоном и обращаясь скорее вообще ко всем, нежели к кому-нибудь в особенности, — почему бы нам не воспользоваться моим шаманом и не постараться с его помощью распутать тайну этой драмы? Ну а этот сибиряк, — подозреваемый убийца, Иван, — что он всё ещё в остроге?... Как!.. Прошло десять лет, и он всё ещё упирается?... Очень странно. Но теперь мы скоро откроем всю истину... Господа! прошу вас всех собраться сюда и выслушать моё предложение... — И объяснив свой план, он пожелал узнать, одобряют ли гости его мысль.

Не дожидаясь, впрочем, ответа, он подошёл к шаману и начал делать над ним пассы, даже и не испросив на то позволение хозяина дома. Николай Изверцов стоял, словно прирос к земле, окаменев от ужаса и неспособный произнести ни слова. Все, кроме него, приняли предложение с одобрением, а полицмейстер города П. подполковник С. — даже с радостью. Он потирал руки, благодарил венгерца и побежал собирать публику...

VI

Когда всё было готово и гости столпились вокруг магнетизёра, он оглянул их с любезной улыбкой, как будто бы дело шло об обыкновенном фокусе, un jeu de societe.

— Позвольте мне, mesdames et messieurs, — начал он, — изменить на этот раз обычную программу и действовать иначе. Я намерен употребить в дело один из способов среднеазиатской магии. Во-первых, этот способ несравненно более приличествует дикости и запустению этого места, нежели приёмы обыкновенной, всем вам известной магнетизации; а затем, как вы сами в том весьма скоро убедитесь, он гораздо действительнее наших европейских пассов.

И, не дожидаясь согласия, он стал вынимать из никогда не покидавшей его большой дорожной сумки разные, самого странного вида предметы. Во-первых, крошечный барабан и две палочки из слоновой кости; затем два хрустальных флакончика: один полный какой-то зеленоватой жидкости, другой — пустой. Жидкостью из первого он окропил шамана, который вдруг задрожал всем телом и закачался ещё сильнее и ровнее прежнего. Воздух пещеры наполнился запахом пряностей, и сама атмосфера словно очистилась. Затем, к неопisanному ужасу присутствующих и смущению самого полицмейстера, он спокойно подошёл к тибетцу и, вынув из-за пазухи миниатюрный стилет, пронзил им насквозь тощую руку шамана ниже локтя и стал наполнять пустой флакон кровью, струившейся из глубокой раны. Когда флакон был почти полон, он, зажав отверстие ранки большим пальцем, остановил кровь с такою же лёгкостью, как если бы это была не живая рука, а бутылка, которую он крепко закупорил пробкою; потом этою кровью обрызгал головку маленького Изверцова. Мальчик даже и не моргнул. Он стоял словно окаменелый возле шамана и, казалось, ничего не видел. Оросив его горячей кровью, венгерец спрятал оба флакона в мешок и, повесив маленький барабан себе на шею, начал бить в него двумя костяными палочками, покрытыми магическими формулами и каббалистическими знаками, выбивая нечто вроде военной зори, чтобы "разбудить пещерные силы", как он выразился.

Публика, полуотвращённая и полуушрашённая такими непривычными для неё приёмами, обступила группу, центром и двигателем которой был иностранный граф, и смотрела, — ожидая сама не зная чего, — во все глаза. В продолжение нескольких минут в величественной пещере царствовала могильная тишина. Николай, с лицом разлагающегося трупа и безумными глазами, стоял неподвижный и немой. Магнетизёр, приготовясь барабанить, вышел немного из круга и стал между шаманом и платформой.

Первые звуки на барабанчике были до того нежны и глухи, что они не возбудили ни малейшего отклика в чутком эхо; только шаман ускорил ещё более своё маятникообразное движение туловищем, да ребёнок вздрогнул и казался встревоженным. Тогда барабанчик присоединил к еле слышной дробе свой голос и начал род пения — медленное, грустное и в высшей степени торжественное...

Что произошло тогда, способен рассказать лишь очевидец. Списываю с дневника присутствовавшей на этом памятном вечере особы, давно умершей и вздрагивавшей до своего последнего дня при одном воспоминании о той "ночи ужаса"!

VII

...По мере того как слова на неизвестном нам языке слетали с уст венгерского графа, пламя от свечей, факелов и ламп стало приходить в движение, развеяться и словно плясать, пока оно не запрыгало совершенно под такт ритмическому пению. Холодный свистящий ветерок вдруг подул из тёмных коридоров со стороны воды, оставляя за собою жалобное, продолжительное эхо. Потом все заметили, как из стен пещеры и окружающих озерко скал стал выходить будто туманный лёгкий пар, похожий на медленнодвигающееся облако. Эти пары являлись со всех сторон, ползли и соединялись воедино у ног барабанщика. Затем, словно минуя сапоги венгерца, "облако" подымалось выше, росло и, собравшись вокруг шамана и бедного ребёнка, укутало обоих точно в белый саван... Окружая мальчика, оно тотчас же делалось прозрачным и серебристым, вокруг же шамана оно становилось кроваво-багровым, горело каким-то зловещим заревом...

Мы все едва дышали, и ужас начал завладевать даже многими из мужчин. Видимо, все мы находились тоже под влиянием чар и точно приросли к своим местам.

Заклинатель сделал внезапное движение и одним прыжком очутился на платформе возле озера и прямо против коридора. Он вдруг забарабанил с такой силою, что эхо разом пробудилось и подхватило вызов с поражающим результатом! Оно раскатывалось далеко и близко, стреляло словно из целой батареи; один выстрел следовал за другим с неумолкаемой, неуследимой быстротою, всё громче и громче, пока его гремющий рев не превратился в хор как бы тысяч голосов демонов, поднимающихся из бездонного колодца, вылетающих из чёрной пасти зияющего перед нами тёмного коридора, — нас действительно оглушала Чёртова Глотка, и мы находились в присутствии чего-то невыразимо сверхъестественного и ужасного! Вдобавок ко всему, вечно неподвижная, гладкая как зеркало вода бассейна вдруг, без всякой видимой причины, сильно заволновалась. Будто мощный вихрь, пролетев, задел крылом по её гладкой поверхности: спокойная вода в шестисаженном в диаметре бассейне вдруг превратилась минуты на две в бурливое сердитое море!

Ещё напев, заклинанья и длинная дробь на магнетическом барабане, и, казалось, самая гора со всем лесом и пещерами задрожали до самого своего основания от словно пушечных выстрелов, раздававшихся по тёмным далёким коридорам. После того как неподвижное, будто окаменелое тело шамана вдруг приподнялось аршина на два над

своим местом, и как было, с поджатыми под себя ногами и закрытыми глазами, так и повисло в воздухе, продолжая качаться маятником взад и вперёд, с некоторыми дамами сделалось дурно; но на них никто не обратил ни малейшего внимания: в это время случилось нечто ещё более страшное и необъяснимое. Мальчик, на глазах у всех, перед сотней устремлённых на него любопытных, хотя и полных ужаса взоров очевидцев, вдруг стал видимо изменяться... Эта трансформация леденила кровь свидетелей, приковывала их беспомощными к их местам, шевелила в них мозги от немого ужаса. В первую минуту всем показалось, будто и маленький Изверцов тоже начинает приподниматься и виснуть на воздухе. Но это было не так: его ноги не покидали скалы, на которой они стояли, и только тело его стало расти и вытягиваться, будто природа желала чудодейственно пополнить работу нескольких лет в такое же число минут. Он стал высоким и широкоплечим, старообразные, но детские черты вдруг удлинились, выровнялись, возмужали пропорционально с телом. Ещё несколько секунд и... детское слабенькое тельце совершенно исчезло. Оно впиталось всецело в другое тело, в совсем другую личность... К ужасу всех нас, кто когда знал бывшего хозяина Озерков, эта другая, стоявшая теперь перед нами личность — был старик Изверцов!..

На его правом виске зияла широкая рана, из которой струилась тяжёлыми каплями кровь. Привидение двинулось прямо к Николаю и стало неподвижно перед ним. С приподнятыми дыбом волосами и страшным безумием в глазах он глядел на своего собственного сына, вдруг превратившегося в умершего дядю. Тяжёлое, мёртвое молчание, царившее уже несколько минут вокруг этой сцены, было теперь прервано венгерцем, обратившимся с заклинанием к мальчику-привидению.

— Во имя Великого Духа Истины, того, кому дана вся власть на земле, — произнёс заклинатель медленным, торжественным голосом, — отвечай нам правду единую, святую правду... Дух беспокойный и блуждающий, не в своё время лишённый тела, скажи нам, как прекратил ты жизнь... Случайно ли, или греховно был убит?...

Уста привидения зашевелились, и рот открылся; но за него отвечало зловещими и многократными повторениями эхо: "Убит!.. у-бит!.. у-у-бит!.."

— Где? Как и кем? — продолжал заклинатель.

Привидение подняло руку и указало на Николая Изверцова, устремив на него стеклянные неподвижные глаза. Затем, не переставая смотреть и указывать на него, призрак, не оборачиваясь, стал медленно, словно скользя по воздуху, направляться к озеру, останавливаясь на мгновение, как будто при каждом своём шаге. И словно влекомый невидимой непреодолимою силою, молодой Изверцов, делая шаг за шагом, приближался к нему, пока, наконец, достигнув озера, призрак не стал скользить уже по его снова спокойной и зеркальной поверхности. То была невообразимая, безумно страшная сцена!..

Когда преступник достиг парапета водной бездны, сильная судорога исказила его черты. Дрожа всем телом и бросаясь на одну из каменных ступеней, цепляясь при этом отчаянно обеими руками за скалы, с пеною у рта и дико блуждающими глазами, он внезапно испустил долгий пронзительный вопль ужаса. То был крик раненного насмерть животного, крик страха и низкой трусости... Призрак стоял теперь неподвижно над тёмными водами и, слегка наклоняясь по направлению к Николаю, манил его к себе. Корчась в припадке невыразимого страха, несчастный преступник оглашал всю пещеру своими пронзительными возгласами:

— Неправда... нет, нет... неправда! Я не убивал вас... Не я... То Ив...

Вдруг послышался на полуслове громкий всплеск воды и явился второй: детский призрак сына Изверцова, тонувшего среди озера и делающего страшные усилия в борьбе за свою бедную маленькую жизнь. Над этой борющейся жалкой фигуркою стояло неподвижно грозное видение и продолжало манить Николая...

— Папа, папа!.. Спаси меня — я тону!.. — жалобно кричал тоненький голосок среди рёва и грома неумолкаемого передразнивающего эхо.

— Мой сын... мой мальчик!.. — завопил Николай обезумевшим голосом, вскакивая с парашюта. — Моё дорогое, милое дитя! О, спасите, спасите его и возьмите мою преступную жизнь!.. Да, я сознаюсь, сознаюсь, пред Богом и людьми... я убийца... Это я убил дядю... я, я!..

Другой всплеск воды, и — призрак внезапно исчез. Это исчезновение как бы разом разрушило чары: вся толпа гостей устремилась с криком ужаса на помощь утопающим. Уже несколько человек собирались броситься в озеро, когда точно невидимая рука удержала их, и они снова окаменели на своих местах: в нескольких шагах от них, среди кругообразных, расширяющихся струек, бесформенная, беловатая масса, держа убийцу и его мальчика-сына в тесных объятиях, тихо и медленно погружалась с ними в тёмные воды бездонного озера...

На следующее утро после этого необычайного события, когда после бессонной ночи некоторые из очевидцев посетили квартиру венгерского графа, то они нашли дом пустым и запертым. Заклинатель бесследно исчез вместе со своим шаманом. Многие из старожилов города П. помнили это событие ещё в 40-х годах; а бывший полицмейстер подполковник С., умирая в глубокой старости, лет пятнадцать тому назад, объявил после предсмертной исповеди своё твердое убеждение, что венгерский путешественник был самим чёртом!

Достойным эпилогом этой страшной драмы явился пожар, разрушивший в ту же ночь старую дачу и все принадлежащие к ней постройки. Оставшиеся в живых на пепелище Озерков Изверцовы отслужили в Пещере Эхо несколько молебнов с водосвятием. Местность же эта до сей поры в глазах народа считается нечистой, проклятой.

Несколько слов в заключение. Надеюсь, что если кто-то и может подвергнуть сомнению эту историю, то только не мыслящий спиритуалист. В анналах медиумизма можно найти аналогичные описания. Появление астральной формы, подобно тому, как старый Изверцов появился на крещении — обычное явление для ясновидящих. Если ребёнок превратился в мужчину на глазах толпы, то подобным образом видели, как из д-ра Мокка вышел призрак ребёнка и как много детей появились из шкафа Уильяма Эдди. Если в случае с мальчиком произошло увеличение пропорций тела, то утверждают, что подобное происходит с разными медиумами. Если "дух" — в соответствии с принятой терминологией, "астральный человек", как его называем мы, вытесняет неразвитую душу новорожденного двойственного существа, то подобным образом сотни других земных душ были причиной одержимости медиумов. Обмен "душами", как было подмечено, мог произойти между живыми людьми, незнакомыми друг с другом, и даже живущими в разных частях света. Это может произойти или в результате болезни, которая обычно ослабляет узы между астральным и физическим человеком, или вследствие какого-то оккультного действия. В левитации шамана также нет ничего необычного и если, находясь в трансе, от него отделился двойник, то пресса спиритуалистов часто сообщала о

таком же феномене, который мы непосредственно наблюдали. Рассказ подтверждает, что испытали исследователи современных феноменов. В нём говорится, что в течение 10 лет реальный развоплощённый "дух" был причиной всего произошедшего. Притянутый к земле он горел справедливой, но дьявольской мезтью, планирование и исполнение которой несомненно представляли непреодолимое препятствие прогрессу и очищению беспокойной души. Элементалы не играют роль в моей истории, за исключением того момента, когда их сильно потревожили звуки волшебного барабана и песни адепта. Действие этих существ нашло выражение в трепете языков пламени, ряби на воде озера и более сильном эхо. Феномены в П. были произведены и контролировались адептом-психологом, работавшим для, с и через развоплощённую душу, по заранее обдуманному плану жестокого возмездия, которое, хоть и принесло вред несчастному и беспокойному астральному человеку, всё-таки исполнило безошибочный закон Возмездия, наказав убийцу и освободив из тюрьмы невинного.

Пусть спиритуалисты, которые объявят магию прекратившим своё существование предвзвездом сравнят методы "мага" из истории с действиями медиумистического "круга". Круг получил название благодаря наиболее часто встречающемуся расположению сидящих, которое требуют сами "духи". Спиритуалисты считают это расположение философским и необходимым. Чтобы магнитный поток шёл по кругу сидящие должны взяться за руки. Если эта магнитная цепь будет разорвана, то чаще всего у медиума появятся трудности. Известны случаи, когда при разрыве магнитной цепи предметы, повисшие над землёй, падали. "Маг" либо мелом чертит круг в том месте, где будут сконцентрированы оккультные силы, чтобы произвести феномен — так, как это делает барон Дю Поте, и об этом знает вся Франция — либо формирует этот круг мысленно, силой воли, и круг этот может быть разорван только если его воля ослабнет. Ритмические постукивания "мага" по барабану и его песни представляют иную и более совершенную форму пения и музыки современных медиумистических кругов. Современный спиритический сеанс может и должен стать школой магии, или же философским, контролируемым спиритуализмом.

Нью-Йорк, 1878